

Когда уходит человек, которого ты хорошо знал, с которым тебя связывали годы общения, множество встреч, совместных поездок, работа бок о бок, — невольно хочешь восстановить черты, свойственные только ему, а нередко и черты, выражающие особенности целого поколения. Хочется увидеть его живого, порывистого. Кажется, что вдруг он, восемнадцатилетний, рванет дверь твоей комнаты и, захлебываясь, закричит с порога:

— Это правда, что меня наградили орденом?

Так было в конце тридцатых в доме творчества «Малеевка», когда приняли по телефону списки первых награжденных писателей. Долматовский ходил на лыжах, и не поверил беременной жене, переваливавшейся за ним по сугробам.

— Еду в Москву! — гаркнул он. — Я, наверно, единственный комсомолец из награжденных.

Потом он признавался, что в поезде два раза терял сознание. К числу его хороших и не очень хороших качеств относилось юношеское тщеславие. Тщеславие, заставлявшее его потом каждый год спешить издать новую книгу, чтобы не опоздать к раздаче Сталинских премий. В конце концов на третий или четвертый раз так и получилось. Позднее он ко всему этому относился с улыбкой.

Но, наряду с недостатками, свойственными многим, были в нем и прекрасные качества готовности к самому трудному, вечной неустойчивости, чувство товарищества и простая человеческая доброта.

Я познакомился с Долматовским в 1934 году, приехав на несколько дней в Москву со строительства Хибинского. Мы встретились дома у моего старого товарища Ярослава Смелякова. Передо мной сидел красивый улыбочивый юноша, влюбленно глядевший на Ярослава, но, казалось, с трудом удерживающий себя на стуле. Он был весь сгустком энергии, весь в порыве, готовый немедленно сорваться и куда-то бежать.

Он так всегда боялся опоздать

Туда, где непротоптанно и трудно.

Это было, пожалуй, основной чертой нашего поколения, особенно ярко проявившейся у К. Симонова и Е. Долматовского. Мальчишкой Женя кинулся на Московский метрополитен, который был тогда ударной стройкой, и многие годы потом питал его творчество вплоть до романа в стихах «Добровольцы». Потом Долматовский уехал на Дальний Восток, где было все не изведано и опасно. Это сразу же вылилось в книгу стихов. Как только появилась возможность, он надел военную форму, и рвался туда, где было посложней, — в Польшу, в Финляндию, под Сталинград. А после войны — во Вьетнам, где пахло порохом. В Отечественную войну он пережил все, что мог пережить солдат — был контужен и ранен, попал в плен и бежал из плена.

Помню встречу в гостинице «Москва» в конце 1942 года. Он показал на грудь, где рядом с орденом «Знак Почета» сияли Красная звезда и медаль «За боевые заслуги».

— Ну как? — счастливо улыбнулся он. В нем удивительно сочетались серьезность поэта и воина с детской непосредственностью.

— Может, хватит? — опять обратил он внимание на награды с явным мальчишеским желанием похвастаться. Он не знал тогда, что этот ряд основательно пополнится, в том числе двумя орденами Отечественной войны I степени и орденом Ленина, не говоря уже о многих медалях.

Евгений Долматовский выпустил десятки книг стихов, поэм, прозы. А роман в стихах «Добровольцы» стал потом кинофильмом, явившимся заметным явлением нашей кинематографии. В «Добровольцах» есть строки, выразившие его отношение к времени и к друзьям:

Ходите не с краю, а главной дорогой

И встретите всех, кто вам близок и дорог.

Не будучи ни в какой степени формально подражателем Маяковского, он исповедовал его желание написать обо всем. Он хотел все успеть. Он писал, захлебываясь. Порой возникало чувство, что ему некогда перечитать написанное. Помню, как мы втроем, с ним и с Михаилом Лукониным, были вместе на строительстве Волгодонского канала. Вот разница темпераментов — Луконин об этой поездке не написал ничего, я несколько месяцев не отходил от письменного стола, а когда заканчивал цикл, получил журнал, где уже было напечатано пятнадцать страниц стихов Долматовского, успевшего написать буквально обо всем, что мы видели. Это заставило меня (спасибо ему!) уничтожить добрую половину написанного. У всех у нас много было торопливого, но поэта надо судить не по срывам и слабостям, а по удачам.

У Долматовского было прекрасное чувство детали. Мы сидели на Патриарших прудах на первом этаже в комнате моей будущей жены. Женя поглядел в окно и воскликнул:

И форточка с лунной посредницею

Японским флагом показалась мне.

Кроме стихов, откликающихся на все, что вокруг, у юноши Долматовского была проникновенная лирика. До сих пор помню строки:

Почему испортилась погода?

Ты, наверно, бровью поведла.

Он был ироничен. Куда-то улетев, прислал

телеграмму: «Лечу на принципиальной высоте».

Многие стихи Евгения Долматовского были популярны и любимы. Отдельно надо говорить о его поздней книге прозы «Зеленая Брама», вышедшей несколькими изданиями и вызвавшей множество читательских откликов. В этой книге десятки судеб людей, в свое время как бы вынесенных за скобки жизни, а по существу полноправных участников великой победы над фашизмом. Долматовский вернул им имена и солдатскую славу.

Вызвала в свое время отклики и его трилогия «Одна судьба» — поэмы «Пропавший без вести», «Иду за тобой», «Счастливого пути».

Роман в стихах, поэмы, проза, сотни лирических стихотворений — как бы к ним ни относиться (можно их любить или не любить) — по ним очевидно, что поэт состоялся, что для современников его строки будут помниться и дальше, а те, кто начнет читать позже, найдут в его строках драгоценные приметы времени, по ним — эмоционально и фактически — вос-

время и ту глубинную человечность, которая всегда свойственна настоящему художнику, какие бы он ни исповедовал идейные и эстетические принципы.

Естественно, что много песен было рождено поэтом на войне. Вот одна из первых, с музыкой М. Блантера:

В кармане маленьком моем

Есть карточка твоя,

Так значит мы всегда вдвоем,

Моя любимая.

Вероятно, все обратили внимание на смещение ударения в слове «любимая». Такое нарушение канона и сделало песню приметной и незабываемой. Это маленький секрет песенного мастерства.

Событием для песенной дружбы Евгения Долматовского и Марка Фрадкина, и для армии Рокоссовского, а значит, и для всего народа явилась «Песня о Днепре», написанная в том же 1941 году.

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли.

ОН ТАК БОЯЛСЯ ОПОЗДАТЬ...

Вер. Москва - 1996 -

В мая - с 5.

5 мая — день рождения Евгения Долматовского. Его давно уже нет с нами, но книги его живут, стихи его не забыты, друзья и товарищи его помнят.

становят для себя нашу эпоху, большую часть завершающегося сейчас двадцатого века.

Я мог бы вспомнить здесь многие строки и встречи, и последние десятилетия нашего профессорства в Литинституте, где мы раньше учились, но прежде всего хочу говорить о другом.

Кроме стихов, поэм и прозы Долматовский с юности прикоснулся к песне и оказался ее избранником. Сейчас уже можно говорить о феномене и о поэзии советской песни, о чуде, которое увидела наша страна в последние десятилетия, и, как бы ни пытались его зачеркнуть, ему суждено снова и снова возвращаться к людям. К сожалению, сейчас радио и телевидение заполнены сочинениями, где музыка зачастую подменяется ритмом, а поэзия невразумительными спекулятивными восклицаниями. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что сейчас происходит разрушение песни. Неужели это одна из неизбежностей демократии или так действуют законы свободы, рыночного рынка? Но у слушателей уже проступает тоска по настоящей мелодии и поэтической песне, которыми так была богата песенная палитра тридцатых-сороковых годов.

Чедар... сейчас... возвращается к слушателю. Создана передача «Радио-ретро», звучащая по определенным каналам почти целые сутки.

Одним из создателей этой песенной палитры был Евгений Долматовский. Еще в 1939 году с Н. Богословским они подарили соратнику песню:

В далекий край товарищ улетает,

Родные ветры вслед за ним летят.

Любимый город в синей дымке тает:

Знакомый дом, зеленый сад

и нежный взгляд...

И хотя в войну строку «Любимый город может спать спокойно» встречали кривыми улыбками, но пели, и она как бы еще больше оттеняла суть полюбившейся песни.

Кто не помнит кинофильм «Сердца четырех», который нет-нет да и возвращается на телеэкраны? А песню знают и без фильма: Все стало вокруг голубым и зеленым, В ручьях забурлила, запела вода.

Вся жизнь потекла по весенним законам — Теперь от любви не уйти никуда.

До чего просто: «Все стало вокруг голубым и зеленым», но до чего точно и неповторимо.

Евгению Долматовскому был доверен дар прикосновения слова к музыке. И когда совпадала валентность поэта и композитора, высекалась искра. По песням Долматовского, еще больше, чем по стихам, можно слышать

Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Я помню, с каким волнением, затаив дыхание, слушали люди эту песню, когда она впервые прозвучала по радио.

Потом было написано многое другое — и «Эх, как бы дожить бы», и «Попутная песня», и «Эскадрилья Нормандия-Неман», и боевые песни дивизий. Но больше, чем все, написанное Долматовским на войне, осталось в сердцах и звучит вот уже несколько поколений удивительная по чистоте, печали и трепетности песня «Случайный вальс».

Ночь коротка,

Спят облака,

И лежит у меня на ладони

Незнакомая Ваша рука.

Все здесь незатейливо и незамудрено, как во всякой настоящей песне, подлинность чувства не оставляет слушателя равнодушным. Будит в нем воспоминания, мечты, согревает добрым теплом душу.

Эта подлинность чувства всегда живет в лучшем, созданном Долматовским.

Сейчас по радио и телевидению большей частью передаются даже не песни, а «композиции», исполняющиеся десятками разных, далеко не всегда талантливых групп, когда вовсе не называются имена авторов. Я знаю, как тяжело переживал Долматовский то, что сейчас происходит в песне. Мы мучительно искали слова, чтобы песня была непохожей на другие, необходимой людям, чтобы жила долгой жизнью. А теперь десятками вытекаются однодневки, которые невозможно запомнить. Часто их сопровождает немислимое количество децибел.

— Зачем же, — горько говорил Долматовский, — вот так, асфальтовым катком по голове.

Думаю, что это временно. Мы обязаны вернуть песне мелодию и поэзию. И сейчас все больше эфирных редакций обращается к песням «ретро». А, например, в городе Вязники существует ежегодный праздник поэзии и песни имени другого песенника Алексея Фатьянова, где звучат полнокровные песни последних десятилетий, в том числе песни Долматовского, в частности широко любимой «Случайный вальс».

Долматовский был сыном своего времени, но он исповедовал не мелкие прихоти временщиков, а высокие идеалы человеческой свободы.